

Н. Скатов

Зрелость

<...>

Все время и повсюду можно видеть, как бесконечно расширяются в зрелости сферы приложения пушкинских сил, как осваивается невиданным до этого образом вся широта действительности.

И было уникальное, единственное в своем роде произведение, так сказать, центральное произведение Пушкина, по значению в пушкинском творчестве и во всей русской литературе, по объему и полноте охвата жизни, по местоположению и хронологии в развитии самого поэта — «Евгений Онегин», сопроводивший тогда поэта.

Сам Пушкин в посвящении определил эту полноту и всеместимость своего романа:

Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

«Свобода» — слово, которое произносит Пушкин в связи с раздумьями о драме. «Свобода» — слово, которым Пушкин определяет свой роман в стихах. Над ним поэт начал работать на переходе от молодости к зрелости, над ним трудился весь зрелый период своей творческой жизни и «вдруг умел расстаться с ним» с окончанием этого периода.

Много давалось пушкинскому роману в стихах определений: социально-аналитический, реалистический, исторический и даже энциклопедический («энциклопедия русской жизни» — Белинский). Каждое название в своем роде справедливо и каждое, впрочем, применимо ко многим реалистическим, историческим и другим романам. Очевидно, необходимо найти такое, которое бы, покрывая все эти справедливые и верные характеристики, в то же время выделяло пушкинский роман в его особом качестве — именно пушкинского, именно определенной поры произведения. Впрочем, что же искать. Пушкин сам дал такое название: *свободный* роман.

Роман создавался так свободно, как более не создавалось ни одно произведение Пушкина. Он как бы тек потоком параллельно потоку самой жизни. Пушкин, всегда ясный и строгий, неизменно придавал громадное значение плану в своем творчестве и высоко ценил прежде всего план в творчестве других. Даже молодые романтические «байронические» поэмы его резко отличаются от поэм Байрона простотой плана. П. Анненков писал уже о «Маленьких трагедиях»:

«Простая, весьма несложная постройка их обдумана изумительно и составляет особенное наслаждение для тех, которые умеют наслаждаться *планами* сочинений, так высоко ценимыми и самим Пушкиным».

В 1825 году в набросках возражения на одну из статей Кюхельбекера Пушкин писал:

«Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии. Критик смешивает вдохновение с восторгом. <...> Восторг не предполагает силы ума, располагающей части в их отношении к целому... единый план “Ада” уже есть плод высокого гения».

«Евгений Онегин», в конце концов, так построен, что мы не ощущаем, например, смещения глав в связи с изъятием главы десятой. Но о привычном плане в процессе создания говорить не приходится.